

Объекты персонально-событийного ряда:	Историческая информация:	Историческая концепция:
Отечественная война 1812 г.	<p>Стенограмма передачи “Не так” на радиостанции “Эхо Москвы”</p> <p>СЕРГЕЙ БУНТМАН: Мы продолжаем нашу серию 1812 года. И у нас в гостях Сергей Нечаев, который уже принес план кампании. Сережа, да? СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ: Да. С. БУНТМАН: У тебя все в схемах, у тебя как та знаменитая толстовская диспозиция перед Аустерлицем, но у тебя как раз самое начало войны. У нас же приходится ровно 200 лет, как был перейден Неман, и как начались собственно боевые действия. И мы как раз сейчас попробуем разобрать самое начало. И это будет в продолжение того, что мы говорили и об отсутствии единого командования, и 2 основные армии, которые были, их было больше, конечно, и что меня, конечно, из нашей последней передачи особо потрясло, это чудеснейшая интрига — перекрестные начальники штабов, которые это... Чтобы служба не казалась сахаром, у меня такое ощущение, но, может быть, была и сложнее интрига, но это привело к интересным обстоятельствам. С. НЕЧАЕВ: Ну, или метод сдерживаний и противовесов популярный у нас в стране. С. БУНТМАН: Да, да. Именно этот термин с Алексеем Кузнецовым мы употребили тогда. С. НЕЧАЕВ: Ну, карту я неслучайно нарисовал, потому что на самом деле очень много книг о войне 12-го года, но если их читать, не следя за</p>	<p>События 1812 года оцениваются с точки зрения национально-либеральной концепции истории</p>

происходящими событиями по карте, очень многие вещи становятся просто непонятны. Потому что я, допустим, уверен, что подавляющее большинство слушателей даже не отдает себе отчета в том, что война на самом деле при том, что в ней вроде бы участвовало дикое по тем временам количество войск, якобы 600 тысяч у Наполеона и так далее...

С. БУНТМАН: Там по разному считали еще ко всему. Но порядок тот.

С. НЕЧАЕВ: Но на самом деле она происходила на узенькой-узенькой полосочке. То есть вот если посмотреть по карте, ну, допустим, взять атлас Советского Союза всем известный, то на самом деле она происходила не по всей западной границе, вот как фашисты наступали в 41-м году...

С. БУНТМАН: Да, это очень большое заблуждение по войнам прошлых времен всегда.

С. НЕЧАЕВ: Да. А тут возникает проблема следующая: мало того, что наступление французов шло по узеньким-узеньким таким коридорчикам, при этом вот это дикое количество войск, на самом деле это создавало огромную проблему, потому что их надо было кормить, их надо было где-то селить. То есть это не то, что веерное такое наступление шло, а это шло наступление отдельными колоннами. И действительно огромное количество войск, потому что, ну, допустим, начнем с того, что граница тогда проходила по реке Неман. Да? То есть можно себе представить по карте, что это где-то бывшая наша Литва, то есть в районе Каунаса, который раньше назывался Ковно, и Вильнюса, который раньше назывался Вильно. То есть по сути,

ну, Тильзит был чуть-чуть пониже по течению реки ближе к морю, то есть... С. БУНТМАН: Тильзит — это уже восточная Пруссия. С. НЕЧАЕВ: Ну, в районе Тильзита через этот Неман перешел корпус Макдональда, то есть это примерно человек тысяч 30, которых задача была идти на Ригу. Дальше вот в районе Каунаса-Ковно перешли реку, ну, так скажем, основные силы Наполеона, где-то порядка 200 тысяч человек. Потом если идти вверх по этой реке Неман в районе города Гродно... Я, кстати, сразу хочу оговориться, что я не буду называть малознакомые названия всяких деревень, потому что это ровным счетом никому ничего не говорит... С. БУНТМАН: Нет. При подробном изучении это будет необходимо, а мы сейчас все-таки должны общую картину нарисовать. С. НЕЧАЕВ: Будем оперировать только всем известными названиями крупных, серьезных городов. Так вот в районе Гродно через реку Неман перешла еще одна группировка такая порядка где-то 70 тысяч человек, которой командовал брат Наполеона Жером. Ну, и соответственно чуть-чуть южнее, ну, где-то вот примерно на границе между Украиной и Белоруссией нынешними на нашу территорию вошел австрийский корпус, потому что вот буквально накануне войны Австрия подписала союзный договор, и соответственно примерно 30-тысячный корпус под командованием князя Шварценберга вошел на нашу территорию чуть-чуть вот южнее в районе Бреста, Корбена, примерно вот в таких местах. Соответственно с нашей стороны тоже было, ну, в общем, так крупных армий 3. Да? Первая западная армия,

так называемая, которой командовал Барклай-де-Толли, который на тот момент находился еще и в должности военного министра, значит, соответственно ему досталась самая крупная армия. Она находилась вот в теперешней Литве в районе Вильнюса. 2-ая западная армия под командованием князя Багратиона находилась чуть-чуть южнее, вот в районе Гродно. И 3-я так называемая наблюдательная армия генерала Тормасова, она находилась в том месте, где на нашу территорию входил корпус Шварценберга. То есть получается, что если по численности, то армия Барклая насчитывала где-то примерно 120 тысяч человек. Ну, понятно, что эти все цифры, они блуждающие, масса споров среди историков, потому что этот корпус входил в состав этой армии, потом он был переброшен туда. Платов входил в состав этой армии, потом оказался в другой армии. То есть я говорю совершенно приблизительные цифры просто, чтобы было понятно. Да? Ну, и вот армия Тормасова насчитывала где-то примерно 45 тысяч человек, а армия Багратиона — ну, тоже где-то примерно 45, может быть под 50 тысяч человек. Говорит это все о том, что Наполеон наступал, ну, скажем так, тремя группировками, и им противостояли 3 русские армии. И на каждом направлении Наполеон имел очень существенное численное преимущество, поэтому естественно у Наполеона был первоначальный план как собственно и во всех европейских странах, где он воевал до этого, это быстренько организовать генеральное сражение, быстренько победить армию противника и тем самым завершить кампанию. С.

БУНТМАН: А вот проблема допустить — не допустить соединение русских армий? С. НЕЧАЕВ: Это уже другой вопрос, потому что... С. БУНТМАН: Потому что одно генеральное сражение — это значит генеральное сражение с одной из частей, с одной из армий... С. НЕЧАЕВ: Ну, либо серия генеральных сражений, 3 армии... С. БУНТМАН: Последовательно, да? С. НЕЧАЕВ: У многих возникает вопрос: а почему, если русские знали о том, что война неизбежна, почему вроде бы такое огромное количество войск, а оказалось так рассредоточено? Потому что, ну, в общем-то, расстояние между армиями измерялись там сотнями километров, там по 100, по 150, по 200 километров. Почему? Ну, потому что естественно никто точно не знал, где конкретно Наполеон будет входить, и самое главное никто конкретно не знал, куда он дальше двинется, потому что... С. БУНТМАН: Ну, да. Варианты и обойти могли, могли и промахнуться, и обойти, и это было... С. НЕЧАЕВ: Да. С. БУНТМАН: ... не такое глупое решение, как может показаться сразу. С. НЕЧАЕВ: Конечно. Потому что на самом деле, вот когда пишут о планах кампании, принято говорить, что там был план такой, план такой. На самом деле планов было около 40, наверное. С. БУНТМАН: Да, мы говорили об этом. С. НЕЧАЕВ: И на самом деле, если, вот допустим, сравнивать с шахматной партией, понятное дело, что перед игрой каждый шахматист предполагает себе, что он какую-нибудь там типа саранскую защиту будет играть. С. БУНТМАН: Но все равно ждет первого... одного-двух

ходов. С. НЕЧАЕВ: Конечно. С каждым ходом противника меняются вводные, и соответственно первоначальный план по любому меняется. С. БУНТМАН: Да, и обрисовывается только вот в начале... С. НЕЧАЕВ: И что же стало происходить? Ну, вот допустим, как мы по новому стилю считаем, что 24 числа началась война, вот буквально... С. БУНТМАН: Июня. С. НЕЧАЕВ: Да. Буквально на следующий день вот эти основные силы наполеоновские захватили Ковно, Каунас, причем без боя, без ничего. Дальше следующая цель была Вильнюс, Вильно, который находился неподалеку. И Наполеон совершенно искренне думал, что русская армия будет давать сражение, потому что все-таки Вильно — это такой капитальный город, это серьезная столица, он рассчитывал, что русские будут ее защищать. И вот когда он пришел в это Вильно, оказалось, что накануне русская армия этот город преспокойно оставила и ушла. Это, в общем, было такое довольно серьезное первое разочарование для Наполеона. Дальше тут, наверное, имеет смысл сказать о таком человеке как генерал Фуль, потому что, в общем-то, во многом благодаря в кавычках ему война начала на первых неделях после своего начала складываться именно таким образом. Ну, человек в чине полковника служивший в прусской армии, неоднократно проигрывавшей Наполеону в сражениях, явился в Россию, тут же получил чин генерал-майора, и, не говоря ни слова по-русски, начал разрабатывать стратегию, как русская армия должна противостоять

Наполеону. И придумал он следующий план. То есть если посмотреть опять на карту, то понятно, что вот есть за Литвой Латвия, в Латвии столица Рига, и Рига эта стоит на реке Даугаве, которая раньше в то время называлась... С. БУНТМАН: Западная Двина. С. НЕЧАЕВ: ... Западная Двина. С. БУНТМАН: Да. С. НЕЧАЕВ: И вот получается, что если нарисовать с запада на восток такую прямую линию, то получается, что Ковно (Каунас), Вильно (Вильнюс) и Дрезден... С. БУНТМАН: Ну, немножко все время севернее забирали, получается. С. НЕЧАЕВ: Ну, практически чуть-чуть поднимались севернее, но по прямой линии мы утыкаемся в эту реку Западную Двину, где она делает вот такую небольшую петельку. И вот в этой петельке теоретик Фуль задумал следующее: значит, он предположил, что там надо построить укрепленные позиции, что вся русская армия вот в этот изгиб реки отделенный укрепленными позициями зайдет. Вот. Войска Наполеона подойдут, начнут бессмысленно штурмовать эти укрепления, а в это время 2-ая западная армия под командованием Багратиона подойдет сзади и ударит французам в тыл, и все закончится для нас хорошо. С. БУНТМАН: Ну, неужели расчет был, что Наполеон даже при всем стремлении быстро решить кампанию, что он так будет оголять фланги и тылы? С. НЕЧАЕВ: Нет, ну, понятное дело, что Наполеон тоже не шел одной колонной, у него тоже были прикрытия и слева, и справа. И вообще, кстати, существует очень интересная версия, к которой я тоже на самом деле склоняюсь, что

наш император Александр I не такой был дурак, как иногда его любят показывать. И весь этот так называемый план Фуля на самом деле это не исключено, что это был отвлекающий маневр, специально сделанный для того, чтобы продемонстрировать Наполеону то место, где якобы русская армия будет давать генеральное сражение. Потому что ясное дело, что если бы серьезно готовились к осуществлению этого плана, то, во-первых, с этим планом был бы согласен, я так думаю, военный министр. Да? То есть без его одобрения вряд ли бы это происходило. А Барклай-де-Толли был категорически против этого плана. И 2-ое, если бы его всерьез собирались осуществлять, то, наверное, сделали бы какие-то подготовительные работы. А как выяснилось, что там все было, как водится у нас, начато, не доделано, брошено, практически сгоняли мирных жителей из соседних деревень, которые там что-то копали, но то есть явно складывается впечатление, что никто особо там каких-то сражений давать не собирался. И вот эта версия, о которой я сейчас говорю, она сводится к чему? К тому, что на самом деле советуясь со своим военным министром Барклаем-де-Толли, Александр I изначально подразумевал войну, подразумевающую отступление, заманивание, ну, эта так называемая скифская война. Да? И даже в ряде мемуаров фигурируют там такие высказывания, что типа мы можем отступить хоть до Волги, хоть до Камчатки. С. БУНТМАН: Да, да. Но это каждый раз во многих пунктах. Я

напоминаю, что Сергей Нечаев у нас в нашей программе. Но и ход войны это покажет, что во многих временных точках это окажется почти психологически непреодолимо, потому что нельзя вести вечно скифскую войну. Даже если ее задумать так очень серьезно, потому что это необычайное разложение собственной армии, потому что армии нужны даже стычки, нужно какое-то соприкосновение с противником, хоть не генеральное, но нужно какое-то соприкосновение просто для того, чтобы понять это. С. НЕЧАЕВ: Конечно, неправильно предполагать, что русские армии вот так параллельно отступали, отступали, не вступая ни в какое соприкосновение с противником, а потом соединились под Смоленском и там дели бой. Конечно, стычки происходили постоянно. Вот эти авангардно-арьергардные бои, и в том числе вот все время забывают про эту 3-ю армию генерала Торماسова, а на самом деле 1-ую победу, вот такую, по сути, настоящую победу, когда была разбита целая саксонская бригада под Корбеном, когда был взят в плен саксонский генерал. Там порядка 2-х с половиной тысяч человек убито, там 2 тысячи человек взято в плен, там сколько-то пушек, сколько-то знамен, но реальная серьезная победа была одержана именно как раз людьми из армии Торماسова. И было это... С. БУНТМАН: Это когда? Когда это было? С. НЕЧАЕВ: ... 27 июля. С. БУНТМАН: Ага. Через месяц примерно. С. НЕЧАЕВ: Да. Потому что у нас... С. БУНТМАН: Уже это близко к Смоленску по времени, да уже? С. НЕЧАЕВ: В это время да, уже

армия Баркляя прошла Полоцк и двигалась к Смоленску, а соответственно армия Багратиона, она так с юго-запада через Бобруйск и Могилев шла к Смоленску. Но понятно, что австрийцы не очень горели желанием там куда-то развивать наступление, там идти куда-то на Киев и прочая, прочая. То есть они действовали довольно вяло. Саксонский корпус Ренье, который должен был помогать австрийцам, он тоже был рассредоточен по довольно большой территории, и в результате генерал Тормасов этим воспользовался, и он там даже ухитрился в первый же месяц войны перейти в контрнаступление и вот нанести такое поражение. Но вернемся на основной как бы вот участок военных действий. Вот предположим, первоначально между 2-мя русскими армиями, между 1-й и 2-й расстояние такое, ну, порядка 100-150 километров. И когда стало понятно, что Наполеон с основными силами идет на 1-ю армию Баркляя, а Жером, брат Наполеона, с 70-тысячной, такой достаточно мощной группировкой идет на армию Багратиона, то логика подсказывает, что эти 2 армии, отступая, должны как-то, ну, приближаться друг к другу. Но Наполеон, когда он увидел, чем это все дело чревато, он создал еще одну группировку под командованием своего такого железного маршала Даву, причем собрал ее из разных частей, где-то порядка 40 тысяч человек. И он двинул этого железного маршала с его людьми как раз в тот самый промежуток, который был между 2-мя русскими армиями. И дальше... С. БУНТМАН: Цель действительно

пройти быстро между армиями и как-то уже их разделить серьезно. Да? С. НЕЧАЕВ: Да, вот если, допустим, посмотреть... С. БУНТМАН: И если не зайти в тыл? С. НЕЧАЕВ: Если посмотреть на карту, получается, что приказ императора для Багратиона звучал так, что ты должен отступить на Минск, потом от Минска ты должен как бы вот так на северо-восток на Борисов, и постепенно соединиться с армией Барклая-де-Толли. Но в этот-то как раз момент оказалось, что Минск уже занят вот этой группировкой Даву. И как бы не хотел Багратион выполнить приказ, он просто физически это не мог сделать, потому что со своими там 45 тысячами, и он имел 70 тысяч Жерома, которые давят на него с одной стороны, и 40 тысяч Даву, которые перекрывают ему как раз именно ту дорогу, по которой он должен был бы двигаться. И в результате получилась очень интересная история. То есть русские армии вместо того, что казалось бы, двигаться по направлению к друг другу, они стали двигаться в противоположном направлении... С. БУНТМАН: Расходиться. С. НЕЧАЕВ: ... потому что Барклай был вынужден идти так вот чуть-чуть на северо-восток в сторону этой Дриссы, этого Дрисского лагеря, куда ему было предписано идти. А соответственно Багратион, когда он только сунулся к Минску, и оказалось, что он уже занят, и пройти туда невозможно, он пошел на юго-восток, то есть армии стали расходиться. Более того потом, когда Багратион попытался через Могилев двинуться опять на соединение с 1-й армией, там опять же оказалось, что

город уже занят, и вот там произошло это знаменитое сражение под Салтановкой, которое... Вот сейчас я просто умиляюсь по телевизору по 3 раза, по 4 раза в день показывают вот этот сюжет про сражение под Салтановкой, как там генерал Раевский взял своего 10-летнего сына, как они пошли в атаку... Полнейший бред совершенно, потому что сам генерал Раевский ответил четко совершенно Батюшкову, который спросил его, а как, неужели, правда такое было? Он сказал: «Да, ну, что Вы! Эту всю историю придумали в Санкт-Петербурге. Это вообще бред. Сделали из меня какого-то римского героя». На самом деле никаких 10-летних сыновей, возглавляющих атаку, там не было. Но неважно. Факт тот, что состоялось сражение, и не смогла армия Багратиона пробиться через Могилев, и ей пришлось опять идти в обход. И в конечном итоге армии соединились только уже вот практически в самом конце июля под Смоленском. Но перед этим же тоже была масса всяких интересных событий. Допустим, тот же Барклай. Ну, хорошо. Отступил он. Он очень огорчил Наполеона, что не стал защищать Вильно. Отступил к этой Дриссе. Там было понятно совершенно, что ни о каком сражении не может быть и речи. Перешли на другую сторону Западной Двины, пошли в сторону Полоцка, потом в сторону Витебска. Существует такая версия, что Барклай-де-Толли очень якобы хотел дать генеральное сражение в районе Витебска. Вот. И в принципе даже есть определенные документы и письма, которые свидетельствуют о таком намерении.

Но это опять же вернемся к нашей параллели с шахматистами. Можно предполагать все, что угодно, но каждый день меняются вводные, и соответственно планы меняются. А произошло следующее: Барклай-де-Толли был в полной уверенности, что он соединится с армией Багратиона. Он же не мог предположить, что там происходит в 100 с лишним... там почти в 200-х километрах от него. И вот, когда уже начали готовиться к этому сражению, прискакал адъютант по фамилии Меньшиков — кстати, какой-то дальний родственник того самого Меньшикова — и в ужасе совершеннейшем сказал, что ни о каком соединении нет и речи, что вот мы там застряли, нам приходится опять идти в обход. И естественно после этого Барклай принял решение никакого сражения не давать. С. БУНТМАН: Конечно. С. НЕЧАЕВ: Но как это было гениально сделано! Наполеон, он же уже практически был готов к сражению, и он видел перед собой в ночной темноте костры, что вот наконец-то русские остановились, наконец-то завтра утром я им покажу, как я показывал австрийцам, пруссакам и всем прочим. А утром после рассвета, когда двинулись, оказалось, что это просто горят костры, специально подожженные, это была имитация... С. БУНТМАН: А в это время армия ушла? С. НЕЧАЕВ: А в это время армия ушла. С. БУНТМАН: Сергей Нечаев. Мы продолжим через несколько минут. С. БУНТМАН: Мы продолжаем нашу программу о самом начале войны 12-го года. Мы все готовились, готовились. Рассказывали о расстановке сил. Об отдельных людях говорили, но вот

собственно пошли боевые действия, причем боевые действия чрезвычайно запутанного, витиеватого характера такого. Сергей Нечаев у нас в гостях. Напомню, что он автор книги о Барклае-де-Толли в серии «Жизнь замечательных людей». Но и неоднократно мы уже говорили в наших программах с ним. Сейчас мы вот смотрим, как изменяется ситуация. В зависимости от этой ситуации и формируется, на глазах формируется та в кавычках скифская война, которая и получается. Да, Барклай — мы на этом и завершили — Барклай при определенных обстоятельствах был готов дать сражение, но выяснилось, что здесь совсем не так, не в том направлении вынуждена идти 2-я армия Багратиона, а не соединившись это давать... Это что? Приходите, я вас за ужином скушаю. Это прямо Наполеону давать, то есть подставлять себя под страшный разгром. С. НЕЧАЕВ: Ну, конечно, не нужно понимать таким образом, что Барклай-де-Толли был какой-то робот, лишенный души, сердца. Конечно, он прекрасно... он был гражданином России, он прекрасно понимал, какое ужасное впечатление это отступление производит на армию, причем не только моральное. Да? А действительно там же от всех этих бесконечных переходов, там же доходило до того, что в день по 50, по 70 километров приходилось людям преодолевать. Это сумасшедшие марш-броски, которым бы сам Суворов позавидовал на самом деле. И армия страдала от этого страшно, причем не только французская, но и русская. И точно также в русской армии были мародеры, потому что

нечего было есть, и точно также... С. БУНТМАН: А почему нечего было есть? На своей территории отступаем. Это же даже не в восточной Пруссии как в 7-м году. С. НЕЧАЕВ: А мы говорили уже об этом. Когда огромная масса войск, например, там 100 тысяч, там 150 тысяч идут по очень узкой дорожке, по какому коридору, ну, вот какой бы город, какая бы деревня не попадалась бы на пути, она просто физически не может обеспечить... С. БУНТМАН: А регулярные поставки? С. НЕЧАЕВ: Регулярные поставки — другой вопрос, но ведь мы тоже прекрасно понимаем, что всегда наши тыловые части во всех кампаниях отличались удивительной способностью приезжать не туда, куда нужно, и потом они просто физически не поспевали за быстро движущейся армией. И ситуация действительно менялась с калейдоскопической быстротой, то есть можно было планировать завтра где-то быть вот там, приходили туда, а там оказывалось, что уже какие-то поляки или баварцы, или саксонцы это уже заняли. То есть на самом деле планировать что-то, было крайне трудно. С другой стороны, я понимаю, если бы один человек всем этим делом командовал, и если б он вот этой огромной массе войск, как это было с наполеоновской стороны... Да? Там был один главнокомандующий, который всем своим подчиненным давал такие, ну, более или менее такие четкие какие-то приказы. Но в русской-то армии, к сожалению, все было совсем не так. И когда в Вильно появился император... Ведь по установленному в армии правилу при присутствии

императора, кто становится главнокомандующим? Становится он. С. БУНТМАН: Император. Да. С. НЕЧАЕВ: Единственное исключение — это если он в письменном виде, в виде приказа и так далее. С. БУНТМАН: Да, да. Мы это очень подробно разбирали в одной из наших передач... С. НЕЧАЕВ: Но этого же ничего не было. И более того когда в районе Полоцка, когда война, в общем-то, пошла не совсем так, как Александру это все представлялось. Он просто напросто оставил армию и уехал преспокойно в Москву, но при этом уехав в Москву, то есть это, считайте, уже через месяц начала войны император уезжает и опять не оставляет конкретного указания на то, кто всем будет командовать. И ведь помимо того, что была масса сложностей и географического характера, и вот это огромное преимущество в численности, которое было пока на стороне Наполеона, была же проблема, прямо так скажем, саботажа со стороны очень многих русских офицеров, которые... Ну, проще всего найти виноватого. А кто виноват? Ну, конечно же, Барклай-де-Толли, потому что он немец, потому что он предатель, потому что ему недороги интересы России и так далее. Да? И начали на него показывать пальцем. Да ладно показывать пальцем! Его начали реально саботировать. И в конечном итоге Барклай, будучи военным министром и будучи командующим всего лишь одной армией, он вынужден был убрать, например, начальника своего штаба Пауллуччи, такого товарища, который тоже ни одного слова не знал по-

русски, но, тем не менее, очень любил руководить войсками. В конечном итоге, вот он взял на эту должность себе, это то есть уже примерно через месяц после начала войны, генерала Ермолова всем известного. Да, но генерал Ермолов... С. БУНТМАН: Но Ермолов-то относился к Барклаю-то... С. НЕЧАЕВ: Так вот понятно, что генерал Ермолов... С. БУНТМАН: Да. С. НЕЧАЕВ: ... очень талантливый, что генерал Ермолов просто потрясающий совершенно генерал, но, во-первых, у него был довольно специфический характер. То есть это человек был склочный и кляузный по своему характеру и с активнейшим совершенно участием во всех вот этих процессах, которые происходили. Во-вторых, он постоянно вел переписку, как бы так скажем, с конкурентом Барклая, с Багратионом, причем в крайне таких выражениях, ну, просто скажем, неприличных, они... С. БУНТМАН: Теоретически это было бы неплохо для координации действий 2-х армий. С. НЕЧАЕВ: Да, но это... С. БУНТМАН: Вообще надо бы с начальником штаба бы переписываться. С. НЕЧАЕВ: ... говоря современным языком, это были просто, ну, такие наезды на то, что типа у нас все делается неправильно. Вот немцами типа все штабы заполнены, нам русским прохода не дают. Дали бы нам русским бы волю, мы сейчас этих всех французов давным-давно бы шапками закидали. То есть вот примерно в таком духе переписка проходила, не говоря об огромном количестве грамматических ошибок и прочая, которых себе князь Багратион позволял. Но на самом деле

получается, что какая могла быть связь между армиями, находящимися на расстоянии там 100 с лишним километров? Конечно, посылался какой-то адъютант, там одни, два или три, на лошади который должен был туда скакать передавать сообщения. Но, допустим, князь Багратион совершенно не горел желанием выполнять приказы, которые ему давались и поэтому он позволял себе вещи, ну, в общем-то, которые ни один наполеоновский маршал вряд ли мог бы себе позволить... не позволил бы себе в отношении... Кстати, нет. Был один человек, который позволил себе такое. Это вот тот самый брат Жером, которому было поручено преследовать... С. БУНТМАН: Да, но это анти-типическая история. С. НЕЧАЕВ: История просто, ну, она объясняется исключительно только тем, что он был младший брат, любимчик всей семьи, потому что любого другого отдали бы под трибунал за такие штучки, которые он там вытворял. То есть он, допустим, захватывал какой-то город и вместо того, чтобы преследовать русских, в чем собственно его главная задача состояла, он останавливался и на 2-3 дня устраивал там пирушку. И в конечном итоге Наполеону это все надоело, и он тогда переподчинил эту группировку маршалу Даву, на что король, извините, Вестфалии сказал: «Почему я должен подчиняться какому-то там герцогу?» Он устроил забастовку, то есть примерно неделю армией вообще никто не командовал, а потом плюнул на все, взял свою вестфальскую гвардию и уехал к себе в Вестфалию, сказав, что типа мне здесь у вас неинтересно, мне все здесь у вас надоело. Вот если б можно

проводить какие-то параллели, то пускай не в такой вызывающей форме, но тоже, в общем-то, достаточно неприлично вел себя Багратион по отношению к распоряжениям Баркляя-де-Толли, которого он, кстати сказать, совершенно искренне не считал своим начальником, потому что по выслуге лет и там по получению определенных воинских званий он действительно был, как скажем, круче Баркляя-де-Толли. А то, что тот был военным министром... Ну, и что? Я командую армией, я точно такой же командующий как и ты. С какой стати ты мне чего-то указываешь? С. БУНТМАН: Но, Сережа, есть все равно ощущаемая цель, по-разному понимаемая, но ощущаемая цель соединиться, наверное, все-таки есть? Или каждый ведет свою тактику, свою стратегию? С. НЕЧАЕВ: Нет. Начнем с того, что с первого дня войны у Баркляя был план отступления-заманивания, главная цель которого сохранить армию, завлечь Наполеона как можно дальше, соответственно создать ему кучу проблем со снабжением, с коммуникациями, и каким-то образом снивелировать вот эту первоначальную разницу в численности. Да? Потому что понятно, что одна армия отступает по своей территории и получает постоянно какие-то подкрепления, то есть она увеличивается численно. А та армия, которая наступает по чужой территории, она уменьшается просто чисто физически, потому что в каждом городе, в каждой деревне нужно оставлять какой-то хотя бы символический гарнизон. У Багратиона с точностью до наоборот.

У него был план исключительно... Ну, как он считал себя учеником Суворова. А как ученик Суворова может отступить? Только наступление, наступление, наступление. Вот и поэтому... есть даже такой термин у историков, сейчас появился, генеральский заговор он называется. На самом деле реально образовалась группа таких высших офицеров-патриотов, которые искренне считали, что Барклай-де-Толли изменник, что ему ничего не нужно, и что действительно нужно срочно давать сражение. И не важно, что у Наполеона в 2 раза больше людей. Все равно. Мы же чудо-богатыри. Да? Пуля — дурра, штык — молодец. И вот эта фраза знаменитая, что мы их шапками закидаем, ведь князь Багратион совершенно искренне это говорил, потому что дали бы ему волю, он бы и пошел в атаку, он бы и положил бы там всю армию. И что было бы дальше? Можно только предполагать. Поэтому на самом деле ситуация вот в первые месяцы войны вот до Смоленска, она складывалась с такой моральной точки зрения просто совершенно ужасно, потому что Барклай-де-Толли с одной стороны понимал, что вот так бесконечно отступить нельзя. С другой стороны даже в те моменты, даже на тех хороших позициях, которые ему удавалось найти, и где он действительно искренне собирался дать какой-то сражение, каждый раз ситуация складывалась таким образом, что делать этого было нельзя. И он, скрепя сердцем, вынужден был в очередной раз давать приказ об отступлении. Вот. И в конечном же итоге вот под

Смоленском, когда две русские армии все-таки соединились, и там состоялся военный совет, и было принято решение начать вот это контрнаступление, то есть совершенно потрясающее, которое очень не любят описывать в наших учебниках исторических, вот эти маневры на Руднях, потому что вот с точки зрения стратегической это был полный вообще идиотизм, то есть реально... С. БУНТМАН: У нас будет отдельная передача о Смоленске и вот как раз об этих великих маневрах. С. НЕЧАЕВ: Ну, просто это единственный раз, когда Барклай-де-Толли пошел наперекор своим принципам, и когда он послушался вот этих, ну, как бы пошел на поводу у этих ура-патриотов, которые требовали срочного наступления. И чем все это завершилось? Если бы не генерал Неверовский вот, то война в принципе могла бы вот там же под Смоленском и закончиться. С. БУНТМАН: Ну, мы подробнее разберем как раз в дни 200-летия смоленского сражения. Что происходит собственно кроме вот это... А что происходит физически? Армии идут. Происходят ли столкновения? Что предпринимает Наполеон вот в этой ситуации? Мы уже говорили, что он создал 3-ю группировку Даву, которая должна идти между армиями. Что он предпринимает дальше в этот месяц? С. НЕЧАЕВ: Ну, начнем с того, что... С. БУНТМАН: Что в июле происходит? С. НЕЧАЕВ: ... не просто армии идут. Начнем с того, что действительно вот Наполеон вошел в Вильно. Да? Это большая столица бывшего государства, такого большого мощного государства.

Значит, соответственно Наполеон вынужден был там простоять чуть ли не 3 недели. И это вот сейчас некоторые историки называют это какой-то грубейшей ошибкой Наполеона, что он потерял кучу времени. На самом деле нет. его встретили там на ура, потому что, в общем-то, реально его воспринимали как освободителя, и он вынужден был решать очень серьезную политическую задачу. Либо восстанавливать вот это великое княжество... это вот Речь Посполитая, это государство такой конгломерат между Польшей, Литвой и Белоруссией, либо не восстанавливать его. Надо было поставить администрацию местную, причем он сделал это таким хитрым образом: каждый пост дублировался. То есть на каждом посту стоял французский какой-то генерал или администратор и кто-то из местного населения. Да? Значит, потом он стал организовывать вот эти польско-литовские войска, причем очень много литовцев вошли в состав, ну, как бы говоря современным языком, литовцев и белорусов, вошли в состав наполеоновской армии, потому что они реально воспринимали их как освободителей от тех самых, которые нас завоевали и разделили. С другой стороны вопрос же был очень серьезный, потому что вот, предположим, поляки хотели получить независимость. Да? Огромный корпус князя Понятовского воевал на стороне Наполеона в 12-м году. Казалось бы, почему Наполеон не восстановил, ну, не сделал то, что он обещал полякам? А потому, что буквально накануне войны союзный договор он подписал

с Пруссией и с Австрией, то есть в 12-м году пруссаки и австрияки воевали, ну, как бы так в кавычках воевали на его стороне. С. БУНТМАН: Так что здесь нельзя было... С. НЕЧАЕВ: Ну, нельзя было восстанавливать... С. БУНТМАН: ... только за счет русской части... С. НЕЧАЕВ: ... Польшу, потому что Польша была разделена на 3 части... С. БУНТМАН: Да, да. То есть за счет российской части нельзя этого делать? С. НЕЧАЕВ: Конечно. С. БУНТМАН: Это сразу намек и Пруссии, и Австрии. С. НЕЧАЕВ: Конечно. А ведь никто не знал в начале войны, на чьей стороне будет Австрия. Да? Это в последний момент буквально все решалось. Более того вот почему мы держали еще 4-ю армию где-то, Бог знает где? А потому, что у нас, извините, с Турцией шла война, и она, вообще-то говоря, закончилась только в мае 12-го года. С. БУНТМАН: Да, да. Только-только. С. НЕЧАЕВ: И там стояло чуть ли не 60 тысяч человек, готовая боеспособная шикарная армия, но они только в мае оказались, ну, как бы свободными. Пока они дошли, пока они соединились вот с этой 3-ей армией Торماسова, пока они создали группировку, к этому времени Наполеон уже отступать начал. И собственно вот эти все войска, они в операции при Березине достаточно активно и участвовали. Потом ведь Наполеон наступал же еще и на Ригу. И по большому счету до последнего момента не было известно, куда он двинется, на Москву или на Санкт-Петербург, поэтому и было отступление в район вот этого Дрисского лагеря, потому что он как раз находился в том месте, где можно было решить и тот вопрос

и другой. То есть можно было пойти в одну сторону по московской дороге, в другую сторону по петербургской дороге. С. БУНТМАН: Это фактически развилка получается? С. НЕЧАЕВ: Да. И ведь Барклай в результате пошел на что? Он из состава своей армии притом, что противник в 2 раза превосходил его по численности, он выдели самый крупный корпус первый под командованием генерала Витгенштейна, из которого он создал такую вот мини-армию, вот такой типа наполеоновский корпус, который прикрывал вот эту дорогу на Санкт-Петербург. И в конечном итоге там было сковано действие, вообще-то говоря, 3-х корпусов, потому что в конечном итоге Макдональд не справился с атакой на Ригу. Там ничего не получилось. На помощь ему был выделен маршал Удино со своим корпусом, и вот эти два объединенных корпуса долго-долго там, вот как сейчас говорят, бодались в районе Полоцка. Там такие достаточно активные боевые действия происходили. И генерал Кульнев там погиб вот в этой знаменитой гусарской атаке. То есть на самом деле очень много всяких военных действий повсеместно везде-везде происходило. И было вот это очень интересное сражение под Миром, где казацкая вот эта такая армия, просто огромный корпус, состоящий... ну, как бы легкая кавалерия, вооруженная там пиками, пистолетами, огромное сражение с польской аналогичной кавалерией, с уланами. То есть на самом деле корпус Платова много чего делал, потому что он как бы между этими 2-мя армиями, отступающими, он

постоянно совершал такие вот движения туда-сюда... С. БУНТМАН: Челночные такие, да? С. НЕЧАЕВ: Челночные. Да. И как раз он мешал очень серьезно вот этой группировке Даву, которая шла в середине. То есть на самом деле это не то, что одна армия просто тупо отступает... С. БУНТМАН: Одна отступает, другая наступает. Маршем просто идет. С. НЕЧАЕВ: Нет, конечно. Буквально каждый день какие-то стычки, какие-то сражения происходили, в которых погибали люди, причем погибали в достаточно больших количествах. Но это не было генеральное сражение, о котором так мечтал Наполеон. Это были какие-то вот такие укусы... С. БУНТМАН: Как Наполеон реагирует? Он пока в Вильно, да? С. НЕЧАЕВ: Он пока в Вильно, он пока занимается вот этими организационными вопросами... С. БУНТМАН: Но он следит за военными действиями? Следит естественно. С. НЕЧАЕВ: Да. И он искренне совершенно думает, что его маршалы там вот все это делают, то, что он задумал. Вот. Но выясняется, что все идет совсем не так, как он предполагал. И вот когда оказалось, что и под Витебском русские, мы вот только что об этом говорили, таким просто варварским способом ушли, обманули его. Наполеон был просто взбешен, потому что там он абсолютно был уверен, что будет генеральное сражение, то самое, потому что на самом деле по погоде, вот по климатическим условиям он был очень ограничен, он не мог начать кампанию раньше, потому что не было еще травы и соответственно... С. БУНТМАН: Не было фуража. С. НЕЧАЕВ: ...

огромнейшая вот эта масса кавалерии, ее просто нечем было бы кормить. Да? И соответственно он не мог это дотягивать слишком далеко, потому что в августе началась страшная жара, а где-то в ноябре в России все покрыто снегом, и там вообще собственно уже надо располагаться на зимние квартиры, и войну заканчивать. То есть реально Наполеон начал нервничать, потому что происходило что-то совсем не то, к чему он привык в Европе. А территория-то у нас огромная. Да? И нам что, допустим, Ковно, Вильно, там Полоцк, Витебск, там Смоленск — это для какой-нибудь Бельгии... Эту Бельгию можно 5 раз уже было бы пройти. С. БУНТМАН: Да. С. НЕЧАЕВ: А вот эти там еще... С. БУНТМАН: А это только еще западные подступы к стране собственно. С. НЕЧАЕВ: То есть если у них это целых 400 километров... С. БУНТМАН: Да. С. НЕЧАЕВ: ... то у нас это всего 400 километров. У нас так можно еще 400 и еще 400. С. БУНТМАН: Насколько хороши были карты? Мы сделаем про это передачу, я так думаю, про вот расстояние и про климат. Это обязательно надо будет сделать. А вот насколько хороши карты были? Насколько были точны сведения у Наполеона? С. НЕЧАЕВ: Ну, карты, конечно, это все-таки уже был 19-й век, карты были достаточно хороши. Вот и... С. БУНТМАН: Ну, извини меня, еще во франко-прусскую жаловались... как раз вот это было принято решение сделать карты главного штаба, те, которые потом станут мишленовскими общедоступными картами. Черт знает, что еще в 70-м году говорили. А это уже через сколько? Больше, чем

через 60 лет после кампании говорили: «Что у нас за карты такие безобразные?» С. НЕЧАЕВ: Нет, ну, смотрите, все-таки пока вот до Смоленска война идет, скажем так, не на исконно русской территории. Да? Это территория... С. БУНТМАН: Вот тут еще понятно. С. НЕЧАЕВ: ... это территория бывшего государства европейского, которое хорошо известно. И более того на стороне Наполеона воюют поляки, литовцы, которые вот эти... собственно это их родная территория, они ее прекрасно знают. С. БУНТМАН: И какое-то есть более или менее есть содействие местного населения. С. НЕЧАЕВ: Не более или менее, а очень хорошее. А более того у Наполеона была прекрасно налажена военная разведка, и задолго до войны люди все это изучали, то есть вот как бы до Смоленска можно сказать, что он шел по своей территории. Его единственное, что раздражало, что нет вот этого сражения и нет. И вот день за днем, неделя за неделей... А при этом же армия уменьшается, потому что мало того, что русские прошли по этому и они уже съели все, что можно было съесть, так они еще то, что оставалось, они поджигали, то есть это же скифская война была в полном смысле этого слова. Она же не подразумевает только отступление, она еще подразумевает уничтожение всех припасов... С. БУНТМАН: И коммуникаций. С. НЕЧАЕВ: ... и плюс так называемые, вот то, что у нас принято называть партизанской войной. Но ее не нужно воспринимать так, как мы привыкли воспринимать по фильмам вот о последней войне. Да? Потому что на самом деле как таковых партизан у

нас не было, но у нас были воинские отряды, которые, кстати сказать, задолго до Кутузова, задолго до Дениса Давыдова, по идее самого Барклая-де-Толли эти отряды начали создаваться, и причем это действительно были воинские подразделения, насчитывавшие там по тысяче, по две, по три тысячи человек, которыми командовали полковники и генералы. И их задача была наводить шорох по коммуникациям... С. БУНТМАН: Как раз. С. НЕЧАЕВ: ... противника. И это ни какие-то бородатые мужики там с топорами и с косами, а это реальные войска, которые очень хорошо и профессионально свое это дело делали. Вот. А говорить о том, что какие-то партизаны, какие-то жители вот этих местных деревень и городов вставали на защиту, да ничего подобного. По большому счету вот пока шли по территории Литвы и Белоруссии в подавляющем большинстве городов и населенных пунктов на ура встречали наполеоновскую армию, и ни о каком вот в таком традиционном понимании партизанском движении вообще и речи не было. Конечно, все изменилось после Смоленска, когда отступление пошло по исконно русской территории, потому что по большому счету, когда по территории Литвы русские шли, они не особо заботились об этом, потому что, ну, как бы это не наше, ну, прошли и прошли. Когда уже началось отступление по своей территории, когда до Москвы стало оставаться там 200 километров, 100 километров, тут уже люди совсем по-другому стали думать, потому что все-таки Москва имела такое, ну, скажем,

символическое значение для всех. С. БУНТМАН: Ну, да. Ситуация изменялась. Сережа, я хотел бы, чтобы мы сейчас в оставшиеся 2-3 минуты, мы смогли подытожить вот этот досмоленский период именно военный и вот период до соединения армий. Вот что здесь самое главное? Какие главные акценты? Что показал этот период? С. НЕЧАЕВ: Этот период показал, что план Наполеона шикарно отработанный во всех предыдущих кампаниях рухнул. Никакие русские... Его же первоначально план был такой, что он выманит русских опять на себя, и как это было в 7-м, там 8-м году разобьет их на своей территории. Ничего подобного. Русские не пошли. Русские стали отступать. И самый главный итог того, что вот происходило до Смоленска — это то, что Наполеону не удалось никакими вот силами навязать русским то самое генеральное сражение или хотя бы несколько генеральных сражений, на которые он рассчитывал, потому что ни одна из русских армий так ему этого сражения и не предоставила. С. БУНТМАН: Но при этом еще исход собственно войны был далеко неясен. То есть это были еще, скажем так, преодолимые трудности Наполеона. С. НЕЧАЕВ: Преодолимые, потому что у него было много вариантов, он мог пойти на Петербург, он мог, в конце концов, ему советовали, остаться перезимовать в том же самом захваченном Смоленске и подтянуть какие-то резервы. С. БУНТМАН: Но это уже потом. Да, вот. А именно до Смоленска все равно еще больше оставалось вариантов. С. НЕЧАЕВ: Но об этом обо всем Наполеон начнет думать уже потом.

Сейчас у него была задача: он рассчитывал в 1-й же месяц закончить эту кампанию. Вот не получилось. Дальше, после Смоленска опять не получилось. Дальше, после Бородино опять не получилось. С. БУНТМАН: Ну, тут уже получается, что после Смоленска через некоторое время Наполеон окажется втянутым уже в тоннель неизбежных действий такой вот. С. НЕЧАЕВ: Да. И более того уже где-то в районе Бородино, в общем-то, численность противостоящих друг другу войск примерно сравнялась. Тоже историки могут до бесконечности спорить, у кого там сколько тысяч чего было, ратников ополчения считаем или не считаем. Но в принципе уже после Смоленска, после соединения 2-х русских армий, после подходов резерва Милорадовича и так далее и после того, что французская армия потеряла вот за все это время наступления численность, которая была один к трем, один к четырем изначально, она примерно сравнялась... С. БУНТМАН: А на это все снивелировалось. Ну, что ж? Нам до этого еще жить да жить. Сергей Нечаев. И мы сегодня уже посвятили началу, вот досмоленскому периоду, от Немана до Смоленска примерно, периоду военных действий 12-го года. Спасибо.

Источник: <http://russiahistory.ru/pervye-dni-vojny-1812-goda-otstuplenie-russkoj-armii/> (дата обращения 11.03.2021)

Стенограмма передачи «Не так» на радиостанции «Эхо Москвы»
СЕРГЕЙ БУНТМАН: Ну, что же. Это программа «Не так» и это вот наш уже

многолетний проект вместе с журналом «Знание — сила». И у нас вот такая, ну, получилось, что в этом году у нас одна тема, включающая в себя очень много разных тем, относящихся к истории России, Франции, Европы в целом — это война 12-го года, конечно. Но мы разбираем разные аспекты, и сейчас мы возвращаемся... Вот, например, мы говорили о работе военных министерств, о том, как устроена была русская армия — в прошлый раз мы говорили с Александром Вальковичем, — а сегодня мы возвращаемся с Алексеем Кузнецовым к несколько более общей теме «Война 12-го года и русское дворянство». Неоднократно это все... и мы с детства это знаем, когда читаем, например, «Войну и мир». Добрый день, Алексей! АЛЕКСЕЙ КУЗНЕЦОВ: Добрый день! С. БУНТМАН: Читаем «Войну и мир», и читаем действительно размышления князя Андрея в очень характерной, не полностью отражающей, конечно, как любое произведение, то, что происходило, но вот с одной стороны и русская франкофилия, любовь к французскому. Некоторое презрение к тому... к «птиметрам» и к то, что называлось «учитэль». Называлось. Это все тоже отразилось. Но ведь далеко не сразу и как в Европе Франции надо было очень сильно постараться, а Европе к ней приблизиться, чтобы появилась именно любовь к французскому языку, к именно Франции. И с чем это было связано и когда? Начнем, наверное, с Елизаветы Петровны все-таки как-то... А. КУЗНЕЦОВ: Да, потому что, конечно... С. БУНТМАН: Да. А. КУЗНЕЦОВ:

Конечно, это франкофильство начинается с Елизаветы Петровны. И в этом есть большой соблазн увидеть случайное достаточно совпадение. Дело в том, что когда Елизавета Петровна была еще совсем молодой девицей, с ней был связан некий там матримониальный план: ее готовили выдать замуж.... С. БУНТМАН: За Людовика XV. А. КУЗНЕЦОВ: Совершенно верно. С. БУНТМАН: Это мы все думаем, что если бы не несчастная Мария Лещинская была бы, а была бы наша Елизавета Петровна. Там такую бы Помпадур или мадам Бовари показала бы она! А. КУЗНЕЦОВ: Ну, неизвестно, хотя гены, конечно, были заложены, безусловно. С. БУНТМАН: Нет, она была крепкая такая красавица. А. КУЗНЕЦОВ: Вот ее готовили к этому и воспитывали соответственно в таком вот французском духе. И вообще характерно для 18 века... Да? Тоже можно вспомнить о том, что если бы будущего Петра III не готовили сначала для совсем другого престола... С. БУНТМАН: Да. А. КУЗНЕЦОВ: ... и не воспитали в такой твердой протестантской манере, то, может быть, и получилось бы тоже совсем по-другому, но, так или иначе, проект не реализовался. А ее собственно личное такое франкофильство веселое осталось, и вот с этого момента начинается увлечение света, а затем постепенно вниз к уже дворянству провинциальному увлечение французским языком, французскими модами, конечно, известно, что Елизавета была большая модница. Увлечение вообще вот такой внешней европейскостью другого плана, понимаете? У меня вообще

ощущение, что та европейскость, которую пытался привить Петр, вот она такая немецко-голландская, скорее... С. БУНТМАН: Да, она такая протестантско-ремесленная. А. КУЗНЕЦОВ: Вот. Она дворянству неглянулась именно, Вы совершенно замечательно сказали, что действительно это вот протестантский мир, это вот действительно такая крепость покроя и толщина сукна, и она дворянству показалась, уже когда закончились вот эти суровые петровские времена, слишком неизящной, слишком какой-то такой второсортной и поэтому, может быть отчасти поэтому... Да и вообще немцев не любили. Немцы слишком близкие соседи, мы их слишком хорошо знали. А вот Франция все-таки до середины 18 века в общем была какая-то такая terra incognita. Дворяне знали, что она есть, но что это такое, они себе не представляли. С. БУНТМАН: Действительно, многие ездят замечательные и посланники наши, и у нас лучшие все-таки... наш поэт начала века 18-го все-таки там вырос и писал как Буало все-таки Кантемир... А. КУЗНЕЦОВ: Не Антио... Кантемир, да. С. БУНТМАН: Да. А. КУЗНЕЦОВ: Но все-таки дело в том, что, видимо, это для очень тонкого слоя людей... С. БУНТМАН: Да, это для тонкого слоя... А. КУЗНЕЦОВ: А вот для массы дворянской это было откровением, вот эта вот такая легкость нравов, легкость в моде, во всем остальном, и это казалось очень привлекательным. И такая достаточно характерная черта, точнее указатель на то, на сколько это было распространено, это вот постоянное

ворчание консерваторов, того же князя Щербатова, то есть ясно совершенно, сегодня будет много приведено из цитат консерваторов более позднего, следующего за Щербатовым поколения. Вот они все ворчат на то, что это все разврат, это все падение нравов. Вот Федор Васильевич Ростопчин, например, один из лидеров консервативной партии в это время: «Наша молодежь хуже французской. Не повинуются и не боятся никого. Нужно сознаться, что одевшись по-европейски, мы еще очень далеки от того, чтобы быть цивилизованными. Всего хуже то, что мы перестали быть русскими, и что мы купили знание иностранных языков ценою нравов наших предков». Вот это убеждение, что переняв французский язык, часть дворянства тут же утратила вот эту самую, так сказать, русскость, она чрезвычайно распространена в это время и будет усиливаться каждый раз, когда у России будут обостряться по тем или иным причинам... С. БУНТМАН: Да, но здесь мы начинали... А. КУЗНЕЦОВ: ... отношения с Францией. С. БУНТМАН: Мы начинали с расцвета старого режима и его благоухающего загнивания. Людовик XV, расцвет, рококо такого вот и этой легкости, и красных каблучков... А. КУЗНЕЦОВ: И причесок а ля Маркиза Пампадур. С. БУНТМАН: Да. И их ребяческий разврат. Вот это все, которое то, что началось с регентства во Франции после сурового окончания века Людовика XIV, и то, что вот у Пушкина, к которому мы тоже будем возвращаться несколько раз наверняка, то, что вот как Ибрагим в «Арапе Петра Великого», как он

освобождается от того, что его закружило во времена регентства в Париже, вот это все... Но приходит еще и другое французское. Приходит век просвещения, чему немало способствовала та же самая Екатерина II. А. КУЗНЕЦОВ: Конечно. И собственно, видимо, здесь надо сказать о том, что французский язык нуждался в какой-то умственной практике, нужно было что-то читать, тем более, что русская литература, в общем, находится еще, я имею в виду светскую, конечно, литературу, находится в достаточно зачаточном состоянии и читать трудно не только нам, нам само собой и современникам нелегко читать Ломоносова и нелегко читать Третьяковского, и нелегко читать большую часть стихов Державина и... С. БУНТМАН: О прозе мы не говорим. Все равно нелегко читать и увлекательную прозу 18 века. А. КУЗНЕЦОВ: Конечно. С. БУНТМАН: И до появления, в общем-то, прозы Карамзина, читать достаточно тяжело. А. КУЗНЕЦОВ: Тяжело. Да, тяжело. Ну, собственно, практически любой из наших слушателей может вспомнить наверняка муки, связанные с чтением вот этих совершенно невыносимых периодов, которые Фонвизин вкладывает в «Недоросле» в уста, скажем, Стародума. Это же читать не возможно! С. БУНТМАН: Да. А. КУЗНЕЦОВ: Абсолютно и по стилю и по содержанию — это все совершенно ужасно. С. БУНТМАН: Скажем в скобках, большая ошибка рановато изучать... А. КУЗНЕЦОВ: Это да. Это тоже может быть... С. БУНТМАН: ... прекрасного Фонвизина. А. КУЗНЕЦОВ: Это к

очень многим произведениям русской... С. БУНТМАН: Да, да. А. КУЗНЕЦОВ: ... школьного курса литературы может быть отнесено. И естественно, что действительно блестяще авторы, французские просветители, они таким образом, видимо, через язык уже приходили идеи. Не язык через идеи, а именно идеи через язык. С. БУНТМАН: Да. А. КУЗНЕЦОВ: Тем более что вот, например, Сергей Николаевич Глинка пишет, он воспитывался в пажемском корпусе как раз в конце 18 века, вот его свидетельства, что дети по вступлении в корпус тотчас попадали в руки надзирательниц-француженок и под их влиянием скоро забывали и родной язык, и воспоминания о прежней жизни. В пажемском корпусе, оказывается, был только один русский преподаватель. Даже отечественную историю преподавали 2 француза. То есть вот это поветрие, оно оказалось настолько масштабным увлечением, что действительно кинулись в другую крайность, и других учителей кроме как французов почти не признавали притом, что учителя эти, ну, это такой хорошо известный период, были очень часто очень невысокого качества, множество проходимцев. Ну, собственно Вральман, хотя и не француз, но тем не менее вот выведен как раз такой образ учителя... С. БУНТМАН: Конечно, да. Вот почему я говорю «учитэль». Это такой вот... А. КУЗНЕЦОВ: Да, да. С. БУНТМАН: И во Франции... Вот именно то, что достаточно много авантюристов, поехавших искать большой преобразующийся России, как это было у нас... А. КУЗНЕЦОВ: Конечно. И была целая учительская

биржа в Петербурге, где нанимали вот этих всех, зачастую неудавшихся куафюров или, так сказать, представителей других ремесленных, скажем так, специальностей. И вот это вот... Ну, тут вот, что надо сказать, когда мы говорим о русском дворянстве, и опять-таки когда мы вспоминаем Толстого, необходимо помнить, что это слой, хотя и сравнительно небольшой по численности, был очень и очень неоднороден. Толстой нам, кстати говоря, тоже же про это напоминает, противопоставляя блестящим гвардейским офицерам, тех же капитанов Тушина и Тимохина... С. БУНТМАН: Да. А. КУЗНЕЦОВ: Вот они — настоящие труженики русской армии. С. БУНТМАН: Да и, кстати, о том, какой был состав офицерства и даже имущественный состав офицерства, кто откуда был, мы об этом говорили в прошлой передаче. Как раз очень интересно, что с одной стороны очень много... большинство очень молодых людей, но с другой стороны — имущественное их состояние в основном бедное. А. КУЗНЕЦОВ: Конечно. Вот я посмотрел, ну, в это время еще таких внятных статистических сведений еще мало, но вот нам, наверное, чтобы оценить масштабы явления, лучше всего подойдет перепись 1795 года, которая, она очень неточная вообще у нас до переписи конца 19 века, до 97-го года точных переписей не было, но тем не менее вот население России оценивается чуть более 36 миллионов человек, из них 362 тысячи дворян, то есть ровно 1 процент. Вот этот 1 процент населения, но из этого процента населения около 45 процентов — это либо вообще

беспоместные дворяне, ну, их совсем мало, порядка 3 процентов, а более 40 процентов — это дворяне, имевшие не более 20 душ крепостных, то есть это действительно бедное дворянство, которое с трудом сводило концы с концами. Конечно, нанимать учителей-французов, скорее всего, у них средств не было. Максимум, что они могли себе в плане французского языка позволить, вот когда приходило время дочерей выдавать замуж, научить их нескольким десяткам фраз, которые должны были изображать политес вот в этом сельском обществе. С. БУНТМАН: Да, да. Это очень забавно, и много раз отыграно. Вот смотрите, что еще получается: конец 80-х годов — начало 90-х как бы ущербно не доходили новости в то время, но всем понятно, что там что-то происходит очень серьезное. И 91-й год, 92-й начинаются республиканские, уже начинается реализация того, что все читали и у скептиков, и у энциклопедистов. И 93-й год, январь — казнь короля. Все. Что теперь Франция получается? Даже до Павла. А. КУЗНЕЦОВ: Ну, вот по этому поводу Карамзин пишет в те же самые годы: «Гром грянул во Франции, мы видели издали ужасы пожара, и всякий из нас возвратился домой благодарить небо за целость права нашего и быть рассудительными. Теперь все лучшие умы стоят под знаменем властителей и готовы только способствовать успехам настоящего порядка вещей, не думая о новостях». Вот совершенно четко он отвечает на Ваш вопрос. Конечно, причем если там в первые пару лет французской революции новости действительно

доходили окольными путями, то в 92-м, 93-м в Россию хлынул поток иммигрантов-роялистов. Собственно, сюда прибудет двор будущего Людовика XVIII, на окраину в Митаву, но тем не менее. И большое число этих людей в России закрепится, пойдет на русскую службу и... это графы, герцоги, это, так сказать, сливки французского общества, ну, скажем, в том же Бородинском сражении мы увидим графа Эммануэля Санпри, который будет начальником штаба в армии Багратиона. И таких очень много. И они, конечно, принесли информацию гораздо более полную, чем раньше, однобокую, безусловно. И действительно французская революция начинает казаться чудовищем почти всем русским дворянам, ну, может быть за исключением нескольких десятков молодых людей, которых революционная романтика увлекла настолько, что, так сказать, не способны ужас якобинского террора... С. БУНТМАН: Проходит ряд событий, которые дают нового романтического героя и русскому дворянству тоже. Сначала появляется генерал Бонапарт, и так потихонечку идет итальянская компания, о которой знают, итальянская первая компания, идет потом с одной стороны прямое столкновение в конце царствования Павла при всех там запретах на круглые шляпы... А. КУЗНЕЦОВ: Круглые шляпы и фраки. С. БУНТМАН: Да. Но уже есть не круглые шляпы, а треуголка, которая интересуется очень многих и даже при прямом столкновении Суворова с новой французской армией, есть, начинается Бонапарт. А.

КУЗНЕЦОВ: И начинается, кстати говоря, с Суворова потому, что еще во время этого феерического первого итальянского похода, сидя в опале в своем имении, в Кончанском Суворов очень внимательно следит, и ведь тогда он скажет, что он широко шагает, этот Бонапарт, он — чудо-богатырь. Суворов вообще, это одно из его любимых словечек, Суворов это редко кого награждал этим эпитетом. С. БУНТМАН: Так что, уважаемые господа, чудо-богатырь, в том числе и Наполеон. А. КУЗНЕЦОВ: Да, да. Прямая цитата. Суворов оценил его действия в первом итальянском походе именно таким образом. Я — человек очень далекий от мистики в вопросах исторических, в том числе, но то, что история бережно развела их гения и нашего военного гения: Бонапарт в Египет, Суворов — воевать с французскими генералами в северную Италию. В этом возможно и есть какое-то такое провидение. А вот не будем выяснять кто сильнее. С. БУНТМАН: Нет, не надо. Не надо, да. Вот не надо... А. КУЗНЕЦОВ: Пусть они останутся в этом смысле... С. БУНТМАН: ... в истории останутся каждый в своей области. Но появляется Бонапарт при этом малые, конечно, планы и сближения с Бонапартом, первым консулом у Павла. Вот это интрига, но она мало укореняется в дворянстве. Укореняется другое. А. КУЗНЕЦОВ: Ну, конечно, у людей военных и в первую очередь опять-таки у молодых людей Бонапарт в первую очередь, даже уже став первым консулом, он в первую очередь останется именно... С. БУНТМАН: Конечно. А. КУЗНЕЦОВ: ...

блестящим образцом военным. С. БУНТМАН: Да, это так. Андрей про Аркольский мост... А. КУЗНЕЦОВ: Аркольский мост. Это посещение чумного госпиталя в Яффе. С. БУНТМАН: Да. А. КУЗНЕЦОВ: Это... Да это все, что угодно. Это его... А проход по карнизу с итальянской армией в 96-м году? Все, что угодно. И, конечно, я думаю, я не могу привести прямого свидетельства никакого, но думаю, что многим вот этим молодым выходцам из бедного дворянства, этим армейским низам, пехотным офицерам очень импонировало и то, что ведь и Бонапарт вышел из самого, что ни на есть провинциального по французским меркам дворянства. Подумаешь там, сын корсиканского юриста. С. БУНТМАН: Да не то слово, да еще там и с окраины, недавно присоединенной. Так что здесь Бонапарт может служить для всех каким-то вот... А. КУЗНЕЦОВ: Конечно, и вот князь Андрей... Князь Андрей — представитель родовой аристократии, но и он же накануне Аустерлица думает, где вот он мой Тулон. А сколько вот таких молодых подпоручиков, так сказать, мечтали в своих палатках там по ночам, где оно мое Монтено, где мой Аркольский мост... С. БУНТМАН: Да. А. КУЗНЕЦОВ: ... где моя битва при пирамидах. Конечно, влияние на умы было огромным. С. БУНТМАН: Да. Алексей Кузнецов. Мы продолжим через 5 минут. С. БУНТМАН: Мы продолжаем. Алексей Кузнецов у нас в гостях. Мы говорим: война 12-го года, Франция, русское дворянство, русское, в общем-то, исполненное, носящее дворянство французский язык,

находящееся очень часто как минимум между двумя языками, потому что нельзя сказать, что французский знали как свой, но говорили на нем очень многие, как умели. Писать? Ну, не так часто писали по-русски, в особенности частная переписка. Французский устный и письменный щебет везде был. Мы сейчас пришли к тому, что мы стоим накануне первого европейского столкновения с новой абсолютно французской армией, армией героя для очень многих, армией Наполеона и подходим к Аустерлицу. А. КУЗНЕЦОВ: Но перед этим был еще один важный для русского дворянства момент еще до того, как Россия вступила в эту коалицию, — это расстрел герцога Ангиенского. Вот я нашел много свидетельств того, что на умы русского дворянства, на умы тех, кто еще продолжал Наполеону сочувствовать и видеть в нем героя, это оказало очень пагубное воздействие. И многие мемуаристы свидетельствуют перемену отношения к Наполеону, вот теперь он — убийца человека... С. БУНТМАН: Да, это такая отправная точка, с которой начинаем мы «Войну и мир». А. КУЗНЕЦОВ: Он пролил, естественно, благородную кровь, пролил кровь человека, не причастного, так сказать, к делам большой европейской политики. И вот это, ну, как тут не сказать, что это пророчество на счет того, что это больше, чем преступление в каком-то смысле оправдалось, это ошибка. С. БУНТМАН: Да, да. А. КУЗНЕЦОВ: А дальше 1805 год и патриотический подъем в верхах русского общества. Вот интересно, такой очень

добросовестный мемуарист, писатель, правда, не снискавший больших побед на литературном поприще, но, тем не менее, не чуждый литературы человек — Степан Петрович Жихарев. Еще до Аустерлица в сентябре 805-го года происходят все вот эти хорошо нам известные хотя бы из «Войны и мира», из первого тома события. Вот, что он пишет: «Весь город толкует о войне. Ненависть к Бонапарту возрастает, между тем как любовь к государю доходит до обожания и доверенность к нему беспредельной. В октябре только и разговоров, что о войне: ожидают чего-то чрезвычайного. Помещик Перхуров так расхотелся в Английском клубе, что кричал на всю залу: «Подавай мне этого мошенника Бонапарта, я его на веревке в клуб приведу!» То есть такой ура, патриотический угар. С. БУНТМАН: Да. Вот здесь Сергей из Москвы нам говорит, что любовь к Франции — не более, чем стадное чувство. Во многом. И мода. Да. Но не менее стадным чувством было отрицание всего французского, которое очень быстро начнется. А. КУЗНЕЦОВ: Да. Это как раз, в общем, признак стадности — это моментальный переход. С. БУНТМАН: Волна сюда, волна туда. А. КУЗНЕЦОВ: Совершенно верно. И вот когда приходит эта трагическая весть об Аустерлице Филипп Филиппович Вигель, очень известный мемуарист, абсолютно консервативный, то есть он в этом смысле никогда не менялся, вот, что он пишет таким очень высокопарным штилем: «В течение века оглашаемая победами Россия содрогнулась, но не поколебалась в убеждении о

храбрости сынов своих». Это об Аустерлице. А все тот же Жихарев пишет о том, что Английский клуб загрузил сначала, но затем начал формулировать, а почему же мы собственно проиграли Аустерлиц, и договорился вот до таких вещей: во-первых, нельзя же России всегда иметь удачу, поражение может быть нужно России по соображениям высшей политики, государь, конечно, сам лучше всех знает для чего, что делается. Замечательное суждение. Да? А дальше полный список причин поражения... С. БУНТМАН: ... писал, да? А. КУЗНЕЦОВ: Конечно. А дальше полный список причин: в действиях немцев, в чрезмерной уступчивости государю Кутузова, Наполеону при этом помог целый ряд благоприятных обстоятельств, удачный переход французских войск через нейтральные земли Гессена и Аншпах, лукавство Баварии, корыстолюбие вюртембергских министров, задержка русских в Пруссии. «Основанные на всем этом успехи французов должны ли приводить кого-либо в отчаяние, — спрашивает «Вестник Европы». И отвечает: «Никак». С. БУНТМАН: Никак. А. КУЗНЕЦОВ: Никак. С. БУНТМАН: Вот сейчас скажу вам в скобках, уважаемые господа, сейчас так пишутся статьи в спортивных газетах. А. КУЗНЕЦОВ: Да, Вы знаете... С. БУНТМАН: Абсолютно так. А. КУЗНЕЦОВ: Да, да. Ветер боковой на стрельбище, я... С. БУНТМАН: Да, да. Вот и так далее. А. КУЗНЕЦОВ: Опять же, так сказать, тренер Пихлер... Я смотрю только биатлон, поэтому все сведения из этой области. С. БУНТМАН: Ну, вот, пожалуйста. А. КУЗНЕЦОВ:

Абсолютно этот стиль. Да. Вот. У нас, кстати, кто-то из наших слушателей тут обратил уже внимание на то, что вот когда мы, видимо, говорили о реакции тогдашних наших ультраконсерваторов, пишет из Пензы нам слушатель, что примерно то же самое сейчас кричат «Загниваем!»... С. БУНТМАН: Да, да. А. КУЗНЕЦОВ: ... наши нынешние консерваторы. Совершенно верно. С. БУНТМАН: Это вечная история. Ну, вот. Вот, что еще происходит: значит, Наполеон вот здесь, уже столкновение, уже патриотический такой антифранцузский, но у нас продолжают быть иммигранты плюс мы еще... Самое интересное, у нас есть иммигранты, но у нас есть мир с Наполеоном, 7-й год наступает... А. КУЗНЕЦОВ: И вот здесь наступает в умах, конечно... С. БУНТМАН: Очень любопытный вариант. А. КУЗНЕЦОВ: ... в умах наступает совершенное, так сказать, брожение, потому что совершенно не понятно, что же делать. Ну, вплоть до того, что незадолго до 807-го года в 806-м году с благословения императора русская православная церковь объявила Наполеона предтечей Антихриста, а в 807-м году после Тильзита категорически вообще запрет в таком контексте когда-либо его упоминать. И вот здесь любопытно, что Александр и очень небольшое количество людей вокруг него оказываются противопоставлены значительной части, практически всему остальному русскому дворянству, которое продолжает вот эту «Ура!», патриотическую линию проводить. И таким вот своеобразным выразителем этих идей становится

Федор Васильевич Ростопчин — человек... Я не берусь оценить его литературный талант, но по крайней мере энергия писательская в нем была совершенно фантастическая. И вот он изобретает в 7-м году такого персонажа, провинциального дворянина Силу Андреевича Богатырева, который выступая с красного крыльца, произносит следующие речи: «Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум и, сотворив молитву, сказать французу: сгинь ты дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, все равно — только не будь на Руси. Ужели Бог на то создал Русь, чтоб она кормила, пила, богатила всю дрянью заморскую, а ей кормилице и спасибо никто не скажет... Отечество их на Кузнецком мосту, — это уже про современную молодежь... С. БУНТМАН: О, да! А. КУЗНЕЦОВ: ... а царство небесное — Париж. Родителей не уважают, стариков презирают; и быв ничто, хотят быть все». Не смеют что ли командиры изорвать мундиры. Вот ей Богу! С. БУНТМАН: Да, да. А. КУЗНЕЦОВ: «Все, что проклятые наделали за эти 20 лет! Все истребили, пожгли и разорили, — это о французах. — Закон попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя! Отца! Головы рубили, как капусту; всё повелевали — то тот, то другой злодей. Думали, что это будто равенство и свобода, а никто не смел рта разинуть, носу показать и суд был хуже Шемякина». Одним словом, вот эта такая, кстати говоря, невероятно популярная проповедь. Дело в том, что Ростопчин напечатал это в собственной типографии за свой счет,

но разошлось 7 тысяч экземпляров. Это абсолютно фантастический тираж для того времени. С. БУНТМАН: Да. А среди кого? Потому что вот этот псевдо простонародный язык, он популярен, я думаю, среди весьма... А. КУЗНЕЦОВ: Только. С. БУНТМАН: ... образованных. А. КУЗНЕЦОВ: Все критики Ростопчина, я имею в виду критики литературного его наследия, даже очень доброжелательно расположенные к нему люди, все говорили о том, что, среди дворян разумеется, что вот этот псевдо народный язык не оставлял ощущения, что пишет на самом деле человек, думающий по-французски. Вот все эти антифранцузские филиппики Ростопчина, а комментатор говорит: «А вот все равно не естественный язык. И народный не естественный, и русский не очень естественный». И, кстати говоря, вот интересно, появилась одна из реакций на вот это сочинение, появилось произведение, которое названо было «Нужды и горе России». Неизвестен его автор до сих пор. Появилось сразу же практически летом... осенью, простите, 807-го года, и, в принципе, автор очень доброжелательно оценивает слова Силы Андреевича, но дальше задается вопросом, а кто вообще виноват в том, что на Руси нет порядка. И очень интересно отвечает: «Кто же как ни сами бари. Богатым служить не хочется, — имется в виду служить по штатской службе... С. БУНТМАН: Да. А. КУЗНЕЦОВ: ... там вот, так сказать, местное управление, — В пору зайцев да волков гонять, да в карты играть, да заводы заводить. Так они на место

себя выбирают беспоместных бездушников, записывают за ними душ до пяти да земли сколько-нибудь, что будто тутошние дворяне. Дела такие судья не знают, а только набивают карманы». То есть вот такой вот вариант мошенничества: не хочется, скажем, быть судьей тем же самым, находишь беспоместного бедного, оформляешь его вроде как здешнего дворянина и спихиваешь на него свои обязанности. И вот такое завершение: «Кабы я, батюшка Сила Андреевич, был на твоём месте, я б пред надеждою государем все вывел на свежую воду, написал бы ему такую грамотку, чтобы он погодил на время управляться с некрещеными басурманами, а поуправился бы с крещеными. Они внутри больше делают зла, чем французы. От тех хоть оборониться можно, а на этих и разинуть рта не смей. Ведь и мы люди. Терпя, терпя, и камень треснет». С. БУНТМАН: Да. А. КУЗНЕЦОВ: Вот это, мне кажется, писал человек гораздо более близкий к этому провинциальному дворянству, судя по тому, что он обнаруживает знание реалий. И вот эта реакция на этот вот патристический такой вот литературный опыт богатейшего, знатнейшего Ростопчина, вот, что ему пишет провинциальное дворянство: да, конечно, да, все это плохо, но ведь свои-то душат больше. С. БУНТМАН: Свои-то душат больше, но пока волна идет в другую сторону. И вот здесь Евгений из Пензы нам пишет: «Говорящих по-французски и носящих европейское платье не объявляли же огульно шпионами Бонапарта». Но я должен вам сказать, что знаете, кто оказалась даже под

подозрением, что она шпионка Бонапарта вот в таком дворянском сознании, госпожа де Сталь... А. КУЗНЕЦОВ: Мадам де Сталь, конечно. С. БУНТМАН: ... которая скрывалась от Наполеона. Здесь опять же я одни скобки, Алексей, открою, потому что я очень рекомендую тем, кто периодически листает Пушкина, обязательно почитать великолепнейший отрывок особенно в этом году, отрывок, который называется «Расславлю» как у Загоскина, но это как раз по отношению к Загоскину и написан этот отрывок прозаический, необычайно характерный для понимания того времени. И героиня его Полина, как раз она презирает тех, кто абсолютно не просвещенно то говорил по-французски, то теперь ругает все французское и заодно и умнейшую, прекрасную госпожу де Сталь. А. КУЗНЕЦОВ: А я приведу цитату из мадам де Сталь, где она оценивает, уже проведя несколько лет в России, оценивает вот эту ситуацию так: «Русское общество, особенно высшая аристократия, гораздо менее либерально, чем сам император. Привыкнув быть абсолютными господами своих крестьян, они хотят, чтобы монарх в свою очередь был всемогущим, чтобы поддерживать иерархию и деспотизм». Вот сторонний наблюдатель и вообще женщина необычайно тонкая, умная... С. БУНТМАН: Это необычная... А. КУЗНЕЦОВ: Она буквально двумя фразами... С. БУНТМАН: ... писатель прекрасный... А. КУЗНЕЦОВ: ... вскрывает вот это противоречие в душе, в уме, во всем русского зажиточного дворянина. С одной

стороны его многое привлекает во Франции и отсюда, так сказать, стремление подражать и в модах и в воспитании во французском языке, а с другой стороны сущность его, конечно, крепостническая. И с этой точки зрения, все, что несет Франция теперь уже во главе пусть даже уже с императором Наполеоном, но все равно вызывает огромные опасения. Огромное опасение перед 12-м годом, как мы знаем, вызывало то, что Наполеон может провозгласить освобождение крестьян. С. БУНТМАН: Это да. А. КУЗНЕЦОВ: И русские дворяне, сами ничего не зная о том, что Наполеон действительно прикидывает такие варианты, советуется там со своими советниками, они сами додумались за Наполеона, что этот вариант возможен. Нет, ну, также было и в свое время в Италии. Да? Он же был, так сказать, наследником мятежной вольности прежде, чем стал ее убийцей. Все эти реформы в германских государствах, буржуазные реформы, которые он проводил в 806-807-м годах, все это наводило на мысль, что он может провозгласить освобождение рабов. С. БУНТМАН: Да. А. КУЗНЕЦОВ: И это тоже, конечно. Дворянство же не только какими-то философскими соображениями, оно очень, с другой стороны, думало и цифрами и... С. БУНТМАН: И думало еще ко всему и своим хозяйством. А. КУЗНЕЦОВ: Конечно. С. БУНТМАН: Вот континентальная блокада... А. КУЗНЕЦОВ: Конечно. Континентальная блокада. Мы привыкли, и по сей день в большинстве работ встречается утверждение, что континентальная

блокада ударила по российским финансам, это не вызывает никакого сомнения, резкое сокращение оборотов внешней торговли. В 806-м — 120 миллионов, в 808-м, всего через 2 года, — 83 миллиона. Сокращение оборотов внешней торговли в основном, конечно, за счет присоединения к континентальной блокаде, потому что французские товары не могли заменить торговлю с Англией даже приблизительно, что ударило... Ну, так вот. Мы привыкли думать, что континентальная блокада ударила по дворянству и по мелкопоместному, и крупному, а на самом деле это не вполне так. Вот. Все зависело от того, чем этот дворянин жил. С. БУНТМАН: Да. Что производило-то его хозяйство? А. КУЗНЕЦОВ: Если этот дворянин жил не своим хозяйством, а в основном источники его дохода были в денежном выражении, то есть это как раз высший свет, это те, кто жили большую часть времени в городе, получая в денежной форме доходы с поместий, либо даже за границей. Эти очень здорово проиграли, потому что ассигнационный бумажный рубль резко упал. После присоединения к континентальной блокаде тот же Филипп Филиппович Вигель пишет: «В 808-м году ассигнационный рубль упал до 50 копеек, а в 11-м серебряный рубль ходил в 4 рубля ассигнация». Ну, то есть 25 копеек за рубль. Да? Вот они потеряли очень здорово. Те дворяне, чье хозяйство производило какие-то товары, которые закупались Англией, естественно тоже потеряли. Это те, кто производил, выращивал коноплю и соответственно производство пеньки. Это те, кто в промышленных

масштабах производил сало. Это те, кто в промышленных масштабах производил на своих мануфактурах в своих поместьях полотно, которое шло на парусину. Эти проиграли, потому что они со своим товаром оказались без возможности его сбыть, ну, по крайней мере, сбыть выгодно. А вот, что касается обычного, среднестатистического помещика, то он скорее даже выиграл, потому что на внутреннем рынке цены на хлеб поднялись из-за падения ассигнационного рубля. И в этом смысле они стали получать несколько больший доход. И поскольку налоги они по-прежнему и прочие, так сказать, платежи, они по-прежнему платили ассигнациями, в этом смысле они почувствовали себя даже в небольшом выигрыше. То есть именно высший свет почувствовал потерю доходов, именно их недовольство, собственно, историки потом и будут принимать по понятным причинам за недовольство всего дворянства. С. БУНТМАН: За недовольство. Но все равно не недовольством решалась вся политика, и решалось будущее столкновение. Любопытная вещь и любопытный вопрос, которым можно задаться, вот эта патриотическая кампания Ростопчина и других, того же Глинки, вот эта деятельность таких, я бы сказал, ярких поверхностно и выпендренно патриотов-антифранцузов, она ли была стержнем боевого духа и духа сопротивления в 12-м году? А. КУЗНЕЦОВ: Несомненно, нет. С. БУНТМАН: Я думаю, что нет. А. КУЗНЕЦОВ: Нет, конечно. При всем уважении к тому же Сергею Николаевичу Глинке, который при

всем том, о чем Вы сейчас сказали, был по-своему очень честным человеком... С. БУНТМАН: Нет... он, да. Это... А. КУЗНЕЦОВ: Это не Ростопчин, который... С. БУНТМАН: Это не ростопчинские во многом игры... А. КУЗНЕЦОВ: Да, да. С. БУНТМАН: ... так как Ростопчин — это человек играющий. А. КУЗНЕЦОВ: И заигравшийся в конце концов, что стало причиной его отставки в 14-м году, а вот Сергей Николаевич... С. БУНТМАН: Да. И всем рассказывал о франкоязычных странах. А. КУЗНЕЦОВ: Конечно. И оправдания свои писал по-французски. С. БУНТМАН: Да и знаменитую фразу про сапожников и кем хотят стать наши революционеры... А. КУЗНЕЦОВ: Да, да. С. БУНТМАН: ... тоже была сказана по-французски, извините. А. КУЗНЕЦОВ: Да. А вот, что касается Сергея Николаевича, это был абсолютно честный, внутренний человек, для которого было глубоким убеждением вот этот его патриотизм, но вот тем не менее мы же... многие читали записки его родного брата Федора Николаевича Глинки. Да? И вот как раз Федор Николаевич Глинка, человек не на столько, так сказать, заикленный вот на этой патриотической риторике, но он как раз пишет очень прямо о том, что истоки патриотизма были не в публицистике, что действительно это было стремление, старое стремление, многовековое стремление оборонить свою родину... С. БУНТМАН: Конечно. А. КУЗНЕЦОВ: ... и это было движущим мотивом, движущей силой для очень многих, для тех, кто либо за несколько месяцев до 12-го года вернулся в армию из отставки

как тот же Остерман, скажем, который потом большую часть войны 4-м корпусом командовать, либо те, кто в первые дни войны устремился в армию или в ополчение, скажем. Ведь в ополчении огромное число уйдет дворян. И вот в этом смысле, это, конечно, внутренние глубинные чувства, потому что все, конечно, хорошо помнят, как Толстой в 3-м томе описывает, вот как изменились аристократические салоны, как дамы тут же оделись в какие-то подобию сарафанов и начали, коверкая русский язык, который они плохо знали, на нем пытаться объясняться, и штраф установили за использование... С. БУНТМАН: Да, наихудшая жертва пожертвовать Кузнецким мостом еще была. А. КУЗНЕЦОВ: Да, да. Вот это действительно поверхностно. Это... Вот таков патриотизм тех, кто пойдет потом сражаться на полях сражений, кто не будет лежать раненым на Бородинском поле, кто не будет разделять с товарищами все неудобства вот этого бивачного быта на стоянках, я имею в виду вот этих всех младших офицеров. Я интересную встретил, готовясь к передаче, такую мысль, что впервые за много-много десятилетий, ну, так сказать, с окончания турецких войн таких масштабных русские офицеры опять вплотную столкнулись с русскими солдатами, потому что в обычное время офицер, даже младший офицер, с солдатами своей части проводил 4 часа в день. Он к 8-ми часам приходил на занятия, в 12 — уходил обедать. Все. Солдат он больше не видел. Все остальное время солдатами занимался фельдфебель. И вот тут они, наконец, бок о бок из

одного зачастую котелка одно и то же едят... С. БУНТМАН: Да. Да. А. КУЗНЕЦОВ: ... у одного костра греются, и вот в воспоминаниях практически всех офицеров, молодых офицеров 12-го года вот эти моменты оцениваются как чрезвычайно для них важные. С. БУНТМАН: И это важные. При этом то, к чему мы подходили в прошлой передаче, говоря о строении русской армии, и говорили о том как раз, что русский солдат — уже не крестьянин, и что это совершенно неправильно говорить, что со своими крестьянами бывшие помещики-офицеры или нынешние, существующие помещики столкнулись. Нет. Офицер и солдат. Это была совершенно другая форма единения, которая произошла, другое получилось военное сословие некое, которое в общей нужде и в общих заботах, и в общих задачах сформировалось. А. КУЗНЕЦОВ: Конечно, оно и раньше было... С. БУНТМАН: Да, но здесь... А. КУЗНЕЦОВ: Они были разделены, а теперь они действительно... С. БУНТМАН: Это было явственно. А. КУЗНЕЦОВ: ... бок о бок. С. БУНТМАН: Это было явственно. Притом такая картинка все-таки, которую мы знаем и по воспоминаниям, изумительная картина в воспоминаниях вот этих мальчишек. И восторженных мальчишек! И преклонявшихся перед Наполеоном и уважавших гений полководческий, и армию, против которой они стояли, те, которые отказались стрелять и своим солдатам не велели стрелять по уходящей старой гвардии. Вот эта гранитная стена серая, которая уходит зимой через Березину, уходит, и они не

стреляют в этих седоусых усачей, которые идут ровно, не пригибаясь. А. КУЗНЕЦОВ: Помните, как Давыдов писал: «Как стопушечный корабль...» С. БУНТМАН: Да, да. А. КУЗНЕЦОВ: ... гвардия, возглавляемая Наполеоном прошла мимо нас». С. БУНТМАН: Да, да. И они не стреляют, но это воины, это патриоты, которые сейчас вот освободят окончательно свою страну. Это поразительная вещь. А. КУЗНЕЦОВ: И не случайно, что после войны, когда казалось бы после победоносной войны, после вступления в Париж в 14-м году, тут-то должен был бы накрыть Россию вот этот вот совсем уже запредельный — ура — патриотический угар, а вот наоборот у тех дворян, которые прошли эту войну опять меняется отношение. И к Наполеону опять очень многие начинают испытывать чувства, ну, по крайней мере, уважения и восхищения его гением, его стойкостью... С. БУНТМАН: Это уже третий Наполеон для всех и для России тоже. Наполеон — герой. Наполеон — Аркольский мост. Наполеон — узурпатор. Наполеон — Антихрист, убийца и так далее. Враг. И Наполеон на Святой Елене, вот этот монумент романтический... А. КУЗНЕЦОВ: Конечно, после того, как уже, собственно, чего теперь с ним мериться... Но вот Павел Иванович Пестель, человек вообще склонный к увлечению подобного рода фигурами... С. БУНТМАН: О, да, да. А. КУЗНЕЦОВ: ... вот он уже после смерти Наполеона, незадолго до собственной гибели будет говорить: «Вот истинно великий человек! По моему мнению, если

	<p>иметь над собой деспота, то иметь Наполеона. Как он возвысил Францию! Сколько создал новых фортуна! Он не отличал не знатность, а дарования». С. БУНТМАН: Да. А. КУЗНЕЦОВ: Тоже оценка русского дворянина. С. БУНТМАН: Что было важно. Конечно. Ну, что же. Мы попробовали вот сделать такой обзор изменения настроения и русской франкофилии, и русской франкофобии, которая... и насколько эти были волны. Действительно право моде говоривший нам Сергей, наш слушатель, что они, наверное... это проходило важно, но это так над глубинами того настоящего, что существовало и в войне 1812-го года. Алексей Кузнецов. Это была наша очередная программа из цикла. А. КУЗНЕЦОВ: До свидания. С. БУНТМАН: До свидания.</p>	
--	--	--

Источник: <http://russiahistory.ru/vojna-1812-goda-i-russkoe-dvoryanstvo/> (дата обращения 11.03.2021)